

П.Н. Буцинский

**Заселение Сибири и быт
первых ее насельников**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
П11

П11 **П.Н. Буцинский**
Заселение Сибири и быт первых ее насельников / П.Н. Буцинский – М.:
Книга по Требованию, 2012. – 354 с.

ISBN 978-5-4241-7061-4

ISBN 978-5-4241-7061-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книга есть только начало обширнаго труда, задуманнаго нами. Мы намѣрены по частямъ изслѣдовать заселеніе Сибири, но частямъ изслѣдовать матеріаль, касающійся быта насельниковъ этого края и взаимнаго отношенія между ними и туземцами, чтобы потомъ написать общую исторію Сибири отъ начала ея завоеванія и до половины XVIII вѣка. Первая часть нашего изслѣдованія касается заселенія передней Сибири—уѣздовъ верхотурскаго, туринскаго, тюменскаго, тобольскаго, тарскаго, пелымскаго и березовскаго въ періодъ отъ начала завоеванія этого края до конца царствованія Михаила Ѳеодоровича. Мы не можемъ сказать, что существующія сочиненія о Сибири и печатные акты оказали намъ достаточную помощь при изслѣдованіи даннаго вопроса. Эта первая часть нашего труда преимущественно составлена на основаніи рукописнаго матеріала, хранящагося въ „Архивѣ М. И. Дѣлъ“ и „Архивѣ М. Юстиціи“. Въ первомъ архивѣ мы просмотрѣли многочисленныя портфели Миллера, нашли тамъ много важныхъ документовъ, которые, вмѣстѣ съ извѣстнымъ печатнымъ трудомъ этого перваго историка Сибири, какъ и его продолженіемъ въ „Ежемѣс. Сочин.“, оказали намъ немалую услугу при нашей работѣ. Нѣкоторыя свѣдѣнія мы извлекли и изъ „Приказныхъ дѣлъ“, храня-

щихся въ томъ же архивѣ. Но несравненно болѣе матеріала для нашего изслѣдованія мы нашли въ Архивѣ М. Ю., въ Сибирскомъ Приказѣ. Здѣсь находится много „ясачныхъ книгъ“, которыя вмѣстѣ съ другими документами дали намъ возможность коснуться въ настоящей книгѣ инородческаго населенія Сибири, указать на мѣстожителство его, опредѣлить количество сибирскихъ туземцевъ въ первой половинѣ XVII вѣка въ уѣздахъ верхотурскомъ, туринскомъ, тюменскомъ, тобольскомъ, тарскомъ, пелымскомъ и березовскомъ, то есть въ тѣхъ именно уѣздахъ, обзорѣніе населенія которыхъ русскимъ элементомъ и составляетъ главный предметъ этой книги. Затѣмъ просматривали другія книги, хранящіяся въ томъ же отдѣленіи А. М. Ю.: „дозорныя книги“ уномянутыхъ уѣздовъ, „сниски“ служилыхъ людей, посадскихъ, крестьянъ, ружниковъ и оброчниковъ, населявшихъ сибирскіе города, „списки пашенныхъ и оброчныхъ крестьянъ“, жившихъ въ уѣздахъ, „смѣтныя книги хлѣбныхъ запасовъ и хлѣбныхъ расходовъ“, „ужимныя книги“, „смѣтныя книги государевыхъ доходовъ и расходовъ“, „окладныя книги“, „таможенныя книги“, „приходо-расходныя книги“ Казанскаго Дворца и Сибирскаго Приказа, и „присяжныя книги“ г.г. Верхотурья и Пелыма. Просматривали столбцы переплетенные и разбитые, которые заключаютъ въ себѣ множество царскихъ грамотъ, воеводскихъ отписокъ, отписокъ прикащиковъ пашенныхъ и оброчныхъ крестьянъ, множество челобитныхъ инородцевъ и всякихъ чиновъ русскихъ людей, обыскныя по нимъ дѣла и проч. Извлекли нѣкоторыя данныя изъ дѣлъ верхотурскаго уѣзднаго суда, составляющихъ особое отдѣленіе документовъ Сибирскаго Приказа. Словомъ, въ двухъ московскихъ архивахъ мы нашли массу рукописнаго

матеріала, касающагося історіі Сибіри и изучали его внимательно. Но тѣмъ не менѣе мы не вполне остались имъ довольны. Относительно конца XVI вѣка и первой четверти XVII вѣка сохранилось мало документовъ; они пропали для насъ безслѣдно, сдѣлались жертвою пожаровъ. Въ 1626 году сгорѣлъ весь архивъ „Сибирскаго Приказа“ въ Казанскомъ Дворцѣ, но это было бы не особенною бѣдою: центральный архивъ можно было бы возстановить дубликатами, хранившимися въ архивахъ сибирскихъ городовъ и особенно въ архивѣ города Тобольска. Но въ 1643 году сгорѣлъ весь тобольскій архивъ и въ разное время сгорѣли древнѣйшіе архивы другихъ сибирскихъ городовъ. Когда Миллеръ, во время пребыванія своего въ Сибіри въ половинѣ XVIII вѣка, обращался въ разные города за свѣдѣніями, касающимися основанія городовъ, первоначальнаго ихъ населенія и т. п., то получалъ изъ канцелярій этихъ городовъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: подобныхъ свѣдѣній нѣтъ, древніе архивы погорѣли. При изслѣдованіи вопроса о заселеніи Сибіри историкъ долженъ особенно чувствовать недостатокъ въ матеріалѣ: для обзорѣяемаго нами періода мы пользовались только одною общою дозорною *) книгою за 162³/₄ г. и нѣсколькими частными дозорными книгами, относящимися до колонизаціонной дѣятельности тобольскаго Знаменскаго монастыря и тобольскаго архіепископскаго дома. Недостатокъ этого рода документовъ и заставилъ насъ ограничить предметъ нашего изслѣдованія 1645 годомъ, потому что для перваго періода заселенія Сибіри и поми-

*) Въ Сибіри въ XVII вѣвѣ „письмо и дозоръ“ производили одни и тѣже лица и въ одно и тоже время; это дѣлалось, какъ замѣчали воеводы, „для поспѣшенія“.

мо дозорныхъ книгъ намъ удалось достаточно собрать матеріала: разные списки нашенныхъ и оброчныхъ крестьянъ, документы касающіеся основанія и развитія сибирскихъ слободъ вознаграждаютъ насъ за упомянутый недостатокъ. Но для дальнѣйшаго времени отсутствіе дозорныхъ книгъ ничѣмъ не можетъ быть восполнено. Въ описяхъ документовъ Сибирскаго Приказа мы находимъ „переписныя книги“, относящіяся уже къ царствованію Петра Великаго, а ранѣе этого времени подобныхъ документовъ нѣтъ. Впрочемъ, существующія описи, какъ мы замѣтили при нашей работѣ, не полны и не точны и мало помогаютъ изслѣдователю разобраться въ массѣ матеріала. Въ настоящее время одинъ изъ уважаемыхъ чиновниковъ А. М. Юстиціи Н. Н. Оглоблинъ составляетъ новыя и систематическія описи документовъ Сибирскаго Приказа. Когда эта обширная работа будетъ доведена до конца, то она, можно смѣло сказать, на половину облегчитъ трудъ изслѣдователя, а можетъ быть даже г. Оглоблину удастся найти и другія дозорныя книги, помимо тѣхъ, которыя мы замѣтили.

Считаемъ пріятнымъ долгомъ выразить особенную благодарность историко-филологическому факультету Харьковскаго университета, оказавшему намъ матеріальное пособіе для напечатанія настоящей книги.

П. Буцинскій.

Г Л А В А I.

Не трудно было покорить Сибирь: достаточно было похода славнаго Ермака ¹⁾ съ горстью отважныхъ казаковъ, чтобы разрушить Сибирское Царство—эту первую и довольно серьезную преграду распространенію за Уральскимъ хребтомъ русскаго владычества, русской колонизаціи и русской культуры. Страшнымъ ураганомъ пронеслись смѣлые казаки по владѣніямъ вогуловъ, остяковъ и татаръ, много пролили крови, разграбили много инородческихъ юртъ, а самое главное побѣдили и прогнали съ юрта «вольнаго человѣка Кучума Царя», который

¹⁾ Лѣтописное извѣстіе, что будто-бы завоеватель Сибирскаго царства получилъ свое имя или точнѣе кличку отъ артельнаго котла, который по-татарски назывался «ермакъ», не заслуживаетъ никакого вѣроятія: «Ермакъ» — не кличка, а есть испорченное христіанское имя «Ермилъ». Съ этимъ именемъ намъ не разъ приходилось встрѣчаться, когда мы въ «Сибир. Приказѣ» прочитывали такъ называемые «именные списки» разнаго чина сибирскихъ людей. Изъ этихъ списковъ оказывается, что имя Ермакъ носилъ ни одинъ побѣдитель Кучума, а многіе казаки, посадскіе люди и крестьяне; даже между сподвижниками Ермака Тимофеевича, часть которыхъ потомъ составила въ Tobольскѣ особую «старую сотню» пѣшихъ казаковъ, два казака были ему тѣсками; одинъ остякскій князь, принявшій при крещеніи имя Ермила, также назывался Ермакомъ. Замѣтимъ, между прочимъ, что это имя варьируется на разныя ладн: «Ермакъ», «Ермачекъ», «Ермачко» и «Ермачишка». Происхожденіе послѣднихъ уменьшительныхъ названій, мнѣ кажется, слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что имя Ермакъ было слишкомъ громкимъ въ исторіи Сибири, а такъ какъ московскіе люди низшихъ классовъ всегда писались уменьшительными или искаженными христіанскими именами, то и рядовымъ сибирскимъ казакамъ и крестьянамъ казалось зазорнымъ называться «Ермаками» и они болѣею частію писались «Ермачками» и «Ермачишками»; но сотникъ казацкій и староста посадскихъ людей могли уже называться «Ермаками», хотя, впрочемъ, этимъ полнымъ именемъ назывались и нѣкоторые крестьяне. Въ Сибири многія деревни

составляя единственную связь разноплеменного Сибирского Царства. Иностранцы были изумлены этими подвигами русских казаковъ и спѣшили покориться державѣ Бѣлаго Царя. Ермакъ съ товарищами «привели татаръ; остяковъ и вогуловъ къ шерти,

и урочища получили свое названіе отъ имени Ермакъ, хотя эти деревни и урочища не имѣли никакого отношенія къ Ермаку Тимофеевичу; напр., подъ самымъ Тобольскомъ (по дозорной книгѣ 1623 г.), при рѣчкѣ Мостовой была деревня «Ермакова», а при р. Плоской деревня «Ермачкова»; эти деревни такъ назывались потому, что основателемъ первой былъ крестьянинъ Ермакъ, а второй основателемъ былъ конный казакъ Ермачекъ. Считаемо нужнымъ предупредить читателя, что имя Ермакъ нельзя производить отъ имени Ермолая: въ спискахъ казаковъ и крестьянъ это имя встрѣчается или въ своемъ настоящемъ видѣ, или въ испорченномъ «Ермошка» и «Ермолка». Въ Сибири есть деревня «Ермолкина»; туринскій татаринъ, принявшій христіанство и получившій при крещеніи имя Ермолая, такъ и писался Ермолаемъ, а юрты его при рѣчѣ Ницѣ назывались «Ермолаевыми». Но имени Ермиль мы ни разу не встрѣтили въ спискахъ сибирскихъ обитателей, хотя намъ пришлось просмотрѣть болѣе сотни именныхъ списковъ казаковъ, посадскихъ людей и крестьянъ,—не встрѣтили, очевидно, потому, что оно всегда замѣнялось «Ермакомъ» и Ермачкомъ и т. п. Поэтому въ нѣкоторыхъ народныхъ пѣсняхъ, относящихся къ покорителю Сибирскаго Царства, онъ совершенно вѣрно называется Ермиломъ: «Атаманомъ былъ Ермилу Тимофеевичу», читаемо въ одной пѣснѣ; или въ другой—«Говориль-то нашъ Ермиль Тимофеевичъ: ужъ вы слушайте, братцы, послушайте, дайте мнѣ, Ермилу, думушку придумати». (См. «Пѣсни», собр. П. Кирѣевскимъ, выпускъ 6-й, стр. 25, 28, 36 и 37).

Итакъ, настоящее христіанское имя знаменитаго казака Ермиль, а прозваніе его Ермакомъ не имѣетъ никакого отношенія къ котлу и есть только обычное искаженіе христіанскаго имени. Отсюда всѣ замѣчанія нѣкоторыхъ историковъ, что «скромная должность кашевара не могла удовлетворить Ермака, жаждавшаго болѣе независимой, широкой, удалой жизни и т. д.» мы должны считать не болѣе какъ риторическими фразами. Мнѣ кажется, что именно имя «Ермакъ» ввело въ довольно важную ошибку и Н. И. Костомарова. «Что касается до Ермака Тимофеевича», утверждалъ онъ, «то нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы онъ принадлежалъ къ разряду волжскихъ удалцовъ, навлекшихъ на себя опалу своими разбоями. Напротивъ, оказывается, что въ качествѣ донскаго атамана онъ находился въ царской службѣ и въ концѣ іюня 1581 г. вмѣстѣ съ русскими силами былъ подъ Могилевомъ-на-Днѣпрѣ...» («Русск. Ист.» въ жизнеоп., выш. III, стр. 529). Эту ошибку можно объяснить только тѣмъ, что почтенный историкъ, вѣроятно, встрѣтивъ въ спискѣ казаковъ, бывшихъ подъ Могилевомъ, имя Ермакъ, предполагалъ, что оно свойственно только покорителю Сибир. Царства. Последний въ 1581 году былъ уже въ Сибири, а до похода въ Сибирь казакъ воевалъ на Дону. На это положительно указываетъ найденная нами въ Сибир. Приказѣ челобитная къ Михаилу Федоровичу одного изъ сподвижниковъ Ермака Тимофеевича, казака Ильина, который, между прочимъ, писалъ въ ней, что до похода въ Сибирь онъ «двадцать лѣтъ служилъ съ Ермакомъ въ полѣ...» Выраженіе «въ полѣ» именно указываетъ на вольное казачество, а не на царскую службу.

что имъ быть подъ Его Царскою высокою рукою до вѣку, по-камѣсть изволить Богъ вселенной стояти, и ясакъ имъ давать Государю по вся лѣта безпереводно» ¹⁾).

Казалось бы, что послѣ такихъ ударовъ инородческій міръ уже не въ состояніи будетъ мечтать о своемъ прежнемъ царствѣ и навсегда долженъ былъ бы помириться съ тою участью, которую возлагала на нихъ «шертъ», тѣмъ болѣе, что отъ перемѣны властителя сибирскіе инородцы ничего не теряли. Но на дѣлѣ мы видимъ противное. Едва только стало извѣстно о смерти Ермака, какъ подданные Кучума, ошеломленные прежде подвигами казацкаго «велеумнаго вождя», теперь, такъ сказать, пришли въ сознаніе, забыли свою присягу и снова готовы были наложить на себя иго азіатскаго властелина. Да и впослѣдствіи долгое время мечта «быть себѣ царствомъ, какъ было при Кучумѣ Царѣ» не покидала сибирскихъ инородцевъ. Это значитъ, что одного завоеванія посредствомъ оружія, какъ бы ни было послѣднее побѣдоносно, было недостаточно, чтобы удержать въ повиновеніи столь отдаленный край, а тѣмъ болѣе имѣть возможность съ успѣхомъ эксплуатировать его богатства. Повторяю, легко было завоевать Сибирь, но гораздо труднѣе удержать завоеванное. Московское правительство давно усвоило эту истину при расширеніи русскаго государства насчетъ иноплеменныхъ народовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ давно поняло, что мирныя средства болѣе дѣйствительны для окончательнаго покоренія инородческаго міра, — что оружіемъ можно только побѣдить, но удержать въ подчиненіи побѣжденныхъ можно главнымъ образомъ чрезъ заселеніе покоренной страны русскими элементами, послѣдствіемъ чего являлось обрусеніе края. Поэтому и послѣ завоеванія Сибирскаго Царства правительство немедленно начинаетъ строить русскіе города и села. Мы увидимъ, при нашемъ изслѣдованіи, что оно не щадило средствъ для заселенія покоренной страны и въ первое время смотрѣло, такъ сказать, сквозь пальцы на вольную, народную колонизацію этого края, даже въ томъ случаѣ, если послѣдняя была противозаконною.

¹⁾ А. М. И. Д. Портфель Малиновскаго, карт. 3, № 95, см. «Шертная грамота татаръ, остяговъ и вогуловъ, приведенныхъ въ присягѣ Ермакомъ съ товарищи».

Прежде, чѣмъ приступить къ главному предмету нашего изслѣдованія, мы считаемъ нужнымъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія, извлеченныя нами изъ матеріала, достовѣрность котораго не подлежитъ никакому сомнѣнію, — свѣдѣнія о разселеніи туземцевъ и ихъ количествѣ при началѣ русской колонизаціи покореннаго края. Начнемъ съ Верхотурскаго уѣзда. Этотъ уѣздъ въ тогдашнее время простирался съ востока на западъ отъ устьевъ рѣки Тагиля по верхнему теченію рѣки Туры съ ея притоками, по рѣкамъ Лозвѣ, Сосвѣ, Лялѣ и Лобвѣ, по верховьямъ рѣкъ Косвы, Уфы и Чусовой. Эту мѣстность до поселенія здѣсь русскихъ занимали преимущественно вогулы и самое незначительное количество татаръ и остяковъ. Древнѣйшая ясачная книга Верхотурскаго уѣзда, сохранившаяся до насъ, относится къ 1626 г. ¹⁾ Изъ этого документа видно, что инородцы Верхотурскаго уѣзда въ первой четверти XVII в. составляли 12 волостей: Туринскую, Верх-туринскую, подгороднюю Лялинскую, вторую Лялинскую, Мулгаискую, Сосвинскую, Лозвинскую, Косвинскую, двѣ волости Чусовскихъ по верховьямъ Чусовой, Верх-уфимскую и Аятскую около озера Аятскаго и по рѣкѣ Аять, которая составляетъ верховье рѣки Рѣжь. За исключеніемъ двухъ послѣднихъ волостей, населенныхъ татарами и остякского юрта при Невѣ, всѣ остальные были населены вогулами. Во главѣ инородческой волости стоялъ сотникъ, поэтому волости назывались еще сотнями, на которыя инородцы дѣлились еще до завоеванія русскими Сибири; волость или сотня составлялась изъ нѣсколькихъ юртъ, а иногда даже изъ одной. По ясачной книгѣ 1626 г. въ Верхотурскомъ уѣздѣ находились слѣдующія юрты:

	Число юртъ.	Живущихъ въ нихъ ясачныхъ людей.
При рѣкѣ Турѣ	3	21
» » Тагилѣ	2	16
» » Салдѣ	3	14

¹⁾ Архивъ Мин. Юстиціи. Сибир. Приказъ, кн. № 10, л. 1036, см. «Книга, что взято государева ясаку Верхотур. у. съ татаръ, остяковъ и вогуличей по окладу 1626 г.».

При рѣкѣ Салдѣ 2-й	1	10
» » Мулгаѣ	2	11
» » Невѣѣ	1	3
При Аятскомъ озерѣ	1	29
По верховьямъ рѣки Уфы.	2	25
» » » Чусовой	2	49
При рѣкѣ Лялѣ	4	44
» » Сосвѣ.	1	10
» » Лозвѣ.	2	26
По верховьямъ рѣки Косвы	6 *)	38

Всего въ Верхотурскомъ уѣздѣ было 30 юртъ, въ которыхъ жило 296 ясачныхъ людей, изъ нихъ 65 татаръ, 3 остяка и 228 вогуловъ. Подъ именемъ ясачныхъ людей здѣсь разумѣются инородцы, платившіе ясакъ, а такъ какъ женщины, дѣти, старые, увѣчные и захребетные люди не платили ясакъ, то они и не входятъ въ вышеупомянутое число. Мы привели данныя объ инородческомъ населеніи Верхотурскаго уѣзда по документу 1626 г., но въ концѣ XVI в. количество ясачныхъ людей было въ немъ еще менѣе. Объ этомъ можно судить по количеству собраннаго ясака въ разное время; такъ, въ 1626 г. верхотурскіе инородцы уплатили ясаку мѣхами по сибирской цѣнѣ на 658 р. и поминочныхъ (подарокъ Государю и воево-

*) *Примѣч.* Кромѣ того, къ Верхотурскому уѣзду тянули въкоторое время сѣмьвинскіе и ирискіе остяки, жившіе по сю сторону Уральскаго хребта. Еще до завоеванія Сибири эти инородцы платили ясакъ въ Пермь, но Борисъ Годуновъ въ 1599 г. приписалъ ихъ къ уѣзду Верхотурскому. Злоупотребленія верхотурскихъ ясачниковъ заставили остяковъ въ 1605 г. обратиться съ челобитной къ Лжедмитрію о припискѣ ихъ къ Перми, но эта просьба не была уважена; царь только избавилъ ихъ отъ ясачниковъ и разрѣшилъ имъ самимъ привозить ясакъ на Верхотурье (А. И., т. II, № 62). Однако эта привилегія не принесла остякамъ никакой пользы. Въ 1608 г. они жаловались царю Василію на верхотурскихъ служилыхъ людей, на ихъ насильства и обиды и снова просили дозволить имъ платить ясакъ въ Пермь Великую, въ Чердмни. На этотъ разъ челобитная остяковъ была услышана и Верхотурскій уѣздъ лишился около 40 человекъ ясачныхъ людей (А. И., т. III, № 125). Еще ранѣе, именно 1607 г., описаны отъ Верхотурскаго уѣзда къ Перми вишерскіе вогулы въ количествѣ 35 человекъ и опять вслѣдствіе злоупотребленій верхотурскихъ сборщиковъ ясака (А. И., т. II, №№ 76 и 82).

дѣ) на 17 р. ¹⁾; въ 1620 г. на 555 р. и поминочныхъ 7 р. ²⁾, а въ 1599 г. съ тѣхъ же инородцевъ собрано ясаку и поминочныхъ только 30 сороковъ, 24 соболя, включая сюда и десятинную пошлину, собранную на Верхотурской таможенѣ ³⁾. Къ сожалѣнію, цѣна этой мягкой рухляди не указана, но несомнѣнно, что она стоила не дороже 500 р. и значить ясачныхъ людей въ 1599 г. было значительно менѣе, чѣмъ въ 1626 г. ⁴⁾.

Туринскій уѣздъ расположенъ былъ по среднему теченію рѣки Туры отъ впаденія въ оную Тагиля и почти до устьевъ Ницы и по рѣкѣ Ницѣ. Онъ также былъ слабо населенъ инородцами, какъ и Верхотурскій. Въ началѣ XVII в. въ этомъ уѣздѣ находилось 14 остякскихъ и татарскихъ юртъ: отъ Туринска вверхъ по Турѣ 6 юртъ—Кукузовъ, Ургунчинъ, Илясовъ, Байгаринъ, Калмакъ и Санкинъ, а отъ Туринска внизъ по Турѣ—Епанчинъ, Енбаевъ и по рѣкѣ Ницѣ—Нагаевъ, Аккана, Небольсинъ, Берсегеневъ, Девлетевъ и Кабачинъ. Изъ царской грамоты отъ 9 сентября 1609 г. къ туринскому воеводѣ Ѳеодору Якову видно, что въ первыхъ трехъ юртахъ жило по 6 человекъ, въ Байгаринѣ и Калмакѣ 6 ч., въ Санкинѣ 8 ч., въ Епанчинѣ 8, въ Енбаевѣ 2 ч., въ Нагаевѣ 30, а въ остальныхъ пяти юртахъ неизвѣстно ⁵⁾. По ясачной книгѣ въ 1628 г. ⁶⁾ туринскіе инородцы раздѣлялись на 17 волостей:

Число ясач. людей.

1. Епанчина	11
2. Енбаева.	3

¹⁾ Ibid. см. въ концѣ той-же ясачной книги.

²⁾ А. И., т. III, № 87.

³⁾ «Описаніе Сибир. Царства», Миллера. См. грам. царя Бориса на стр. 273.

⁴⁾ Нѣкоторые другія данныя также приводятъ насъ къ заключенію, что въ концѣ XVI в. и нач. XVII в. количество ясачныхъ людей въ Верхотурскомъ уѣздѣ было менѣе, чѣмъ въ 1620 и 1626 г. Такъ, въ 1601 г. съ 32 ясачныхъ вогуловъ, приписанныхъ въ слѣдующемъ году отъ Туринска къ Верхотурью, взято ясака 224 соболя, т. е. съ каждаго человѣка по 7 соболей, а въ 1599 г. съ Верхотурья приславо въ Москву асака, поминковъ и десятинной пошлны 1224 соболя. Допустимъ, что десятинной пошлны было 104 соболя, и если оставшееся количество ясака 1,120 соболей раздѣлимъ на 7, то частное покажетъ количество ясачныхъ людей, т. е. 160 человекъ. Этотъ расчетъ, конечно, только приблизительно вѣрный.

⁵⁾ «Опис. Сиб. Ц.», Миллера, стр. 273.

⁶⁾ Орхивъ М. Ю. Сибир. Прик., кн. № 19, л. 531.